

С. И. Дудник, Л. С. Камнева, А. М. Соколов

РОЖДЕННАЯ В РЕВОЛЮЦИИ (ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТУИЦИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

За прошедшее столетие в гуманитарном знании было много сделано в направлении выяснения и понимания причин потрясений, пережитых человечеством в этот период. Однако интеллектуальный опыт непосредственных участников самых драматичных событий новейшей истории человечества обладает непреходящей ценностью. Ведь он не только передает интимную достоверность произошедшего, но и открывает нам его непререкаемую логику. Понятно, что погруженность в стихию революции не способствует созданию объемных философских трактатов. Интуиции, озаряющие ум мыслителя такой эпохи, наиболее точно могут быть переданы в произведениях иного жанра: статьях или эссе. С этой точки зрения философскую публицистику можно считать наиболее подходящей формой изложения идей о катастрофической непредсказуемости течения настоящего из прошлого в будущее. Пожалуй, нет ни одного русского мыслителя революционной эпохи, кто не писал бы о будущем России. Однако среди большого числа авторов Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий занимают особое место; и не просто потому, что из всей русской эмиграции они были едва ли не единственными, кто, критически относясь к советской власти, отдавал себе отчет в закономерности победы большевиков и признавал их достижения в социалистическом строительстве. Более значимо то, что Трубецкой и Савицкий предложили оригинальную методологическую стратегию, способствующую адекватному описанию и истолкованию принципов развития российской цивилизации. Их новаторство оказалось настолько революционным, что и сегодня у многих вызывает академическое недоумение. И все же даже беглого, но беспристрастного взгляда на учение Савицкого и Трубецкого достаточно, чтобы оценить плодотворность их подхода к пониманию сущности российской историософии. Библиогр. 5 назв.

Ключевые слова: революция, евразийство, цивилизационный императив, самобытность.

S. I. Dudnik, L. S. Kamneva, A. M. Sokolov

BORN IN REVOLUTION (EURASIAN INTUITION IN PHILOSOPHICAL JOURNALISM THE EARLY 1920S)

Over the past century in the social sciences much has been done toward finding out and understanding the shocks experienced by mankind during the early 1920s. However, the intellectual experience of the direct participants of the most dramatic developments of the modern history of mankind has intrinsic value. It not only conveys the intimate certainty of what happened, but also reveals its irrefutable logic. It is clear that immersion in the turmoil of revolution is not conducive to the establishment

Дудник Сергей Иванович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; s.dudnik@spbu.ru

Камнева Лолита Сергеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; l.kamneva@spbu.ru

Соколов Алексей Михайлович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; a.m.sokolov@spbu.ru

Dudnik Sergei I. — PhD, Professor, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; s.dudnik@spbu.ru

Kamneva Lolita S. — PhD, Senior lecturer, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; l.kamneva@spbu.ru

Sokolov Alexey M. — PhD, Professor, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; a.m.sokolov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

of voluminous philosophical treatises. The intuition which illumines the mind of the thinker of this era, most certainly can be transmitted in the works of a different genre: articles or essays. From this point of view, philosophical writing can be considered the most appropriate form of presentation of ideas about the catastrophic unpredictability of the flow of the present from the past to the future. Perhaps there is none among the Russian thinkers of the revolutionary era, who did not write about Russia's future. However, among the large number of authors N. S. Trubetskoi, and P. N. Sawicki occupy a special place. This was not just because they were alone among those of the Russian emigrés who critically referred to the Soviet authorities with an assessment of the justice of Bolshevik victories and recognized their achievements in socialist construction. More significantly, Trubetskoy and Savitsky suggested an original methodological strategy that contributed to an adequate description and interpretation of the principles of the development of Russian civilization. Their innovation was so revolutionary that even today they are the source of much academic bewilderment. And yet, even a cursory but unbiased look at the teaching of Trubetskoy and Savitsky is enough to appreciate the fruitfulness of their approach to understanding the essence Russian philosophy of history. Refs 5.

Keywords: revolution, Eurasianism, civilization imperative, identity.

Начало XX века — начало века русской революции, не закончившегося по сей день. Название доклада М. С. Горбачева «Перестройка — революция продолжается» тридцать лет назад воспринималось скорее как риторический изыск, нежели указание на реальное положение вещей. В 2016 г. отчетливо представляешь непреднамеренную «прозорливость» последнего генерального секретаря КПСС и руководителя Советского государства. События 1905, 1917, 1991 и 1993 гг. составляют символический контур русской революции; контур, который охватывает и вооруженное противоборство 1918–1920 годов, и индустриализацию экономики, и коллективизацию сельского хозяйства, и репрессии 30-х годов, и ползучую контрреволюцию «эпохи застоя» с 70–80-х, и криминальный беспредел 90-х, и бюрократический саботаж начала нового тысячелетия. Нашей революции — более ста лет.

В эти сто лет, с одной стороны, можно было видеть П. Н. Милюкова, М. В. Родзянко, А. Ф. Керенского, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, т. е. тех, кто являл собой средоточие революционного потока. Иногда они овладевали хаотическим извержением людской энергии, но чаще — теряли способность действовать в соответствии с обстоятельствами, опровергающими любые мыслимые представления о логике происходящего. А с другой — тех, кто, осознавая недостаточность здесь и сейчас противостояния революционной стихии, усердным трудом обнажал несостоятельность отвлеченных проектов, закономерность трагедий, в которые они воплощались. Иначе говоря, мы видим, с одной стороны, героев, одерживавших триумфальные победы и, как правило, не переживших сокрушительных поражений; с другой — подвижников, всю жизнь остававшихся в тени, спокойно относившихся к славе и не ведающих о ее неизбежности в грядущем.

В школьном, просвещенческом понимании революция — факт, разворачивающийся в перспективе политического, в лучшем случае социального, пространства. Двадцатый же век убедительно продемонстрировал, что революция — это событие космического масштаба. Россия оказалась не просто в эпицентре цивилизационной катастрофы, она стала своего рода транслятором революционных идей Запада во все остальные уголки мира. В данном обстоятельстве скрывается своего рода парадоксальная «хитрость истории», так как либеральные тенденции буржуазных революций Запада в других регионах планеты активизировали настроения, самым решительным образом отрицающие идеалы индивидуализма, конкуренции,

утилитаризма. Нашей стране и нашему народу выпала участь первыми пережить трагедию катастрофических преобразований. Наш практический опыт революции уникален. Но и теоретическое осмысление пережитой катастрофы трудно переоценить.

За прошедшее столетие в гуманитарном знании было много сделано в направлении выяснения и понимания причин потрясений, пережитых человечеством в этот период. Однако интеллектуальный опыт непосредственных участников самых драматичных событий новейшей истории человечества обладает непреходящей ценностью. Ведь он не только передает интимную достоверность произошедшего, но и открывает нам его непререкаемую логику. Понятно, что погруженность в стихию революции не способствует созданию объемных философских трактатов. Интуиции, озаряющие ум мыслителя такой эпохи, наиболее точно могут быть переданы в произведениях иного жанра: статьях или эссе. С этой точки зрения философскую публицистику можно считать наиболее подходящей формой изложения идей о катастрофической непредсказуемости течения настоящего из прошлого в будущее.

Пожалуй, нет ни одного русского мыслителя революционной эпохи, кто не писал бы о будущем России. Однако среди большого числа авторов Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий занимают особое место; и не просто потому, что из всей русской эмиграции они были едва ли не единственными, кто, критически относясь к советской власти, отдавал себе отчет в закономерности победы большевиков и признавал их достижения в социалистическом строительстве. Более значимо то, что Трубецкой и Савицкий предложили оригинальную методологическую стратегию, способствующую адекватному описанию и истолкованию принципов развития российской цивилизации. Их новаторство оказалось настолько революционным, что и сегодня у многих вызывает академическое недоумение. И все же даже беглого, но беспристрастного взгляда на учение Савицкого и Трубецкого достаточно, чтобы оценить плодотворность их подхода к пониманию сущности российской историософии.

Деятнадцатый век был решающим для формирования научной картины мира. Наука не только утвердилась как самостоятельный вид духовной практики, но и обнаружила принципы внутренней дефиниции. Расширение проблемного поля гуманитарных наук раскрыло новые возможности для аргументации новаторских предположений. Последнее обстоятельство стимулировало введение новых концептуальных понятий, которые, в свою очередь, могли быть приняты только при условии их содержательной очевидности.

Возобладавшие в науке рубежа XIX–XX вв. позитивистские тенденции предопределили привлечение в гуманитарное знание разнообразного эмпирического материала, требующего специфической интерпретации в соотнесенности с определенными духовными константами, предстоящими любому эмпирическому множеству и, в конечном счете, структурирующими его. В нашем национальном самосознании интуиция Руси на протяжении веков играла роль оси, создающей смыслообразующее напряжение русско-российского мироустройства. Разумеется, изначальная религиозность интуиции претерпела серьезные изменения: от Святой Руси до Советской России. Вместе с тем ее сущностные характеристики всегда оставались незыблемыми. Их-то как раз и попытались актуализировать составив-

шие ядро евразийского движения П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и их единомышленники — через придание онтологического статуса существованию России-Евразии как единой космической целостности.

Учитывая то обстоятельство, что первые работы Савицкого и Трубецкого появились сразу после завершения не только Гражданской войны в России, но и Великой войны в Европе, разделенной национальными противоречиями, понятен исходный смысл критических замечаний Н. С. Трубецкого в адрес западной цивилизации. Национальные идеологии, пришедшие на смену религиозным верованиям, не только раскололи традиционно единую Европу, но и подняли волну национальных возмущений по всей периферии «человеческой» цивилизации.

Неудивительно, что полемика о перспективе развития мировой цивилизации, открытая Николаем Трубецким, началась с довольно частного вопроса. Наш ученый-филолог и философ обратил внимание на смешение в европейском сознании, казалось бы, взаимоотрицающих понятий: «шовинизм» и «космополитизм». «Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ, — писал он в небольшой, но оригинальной и емкой по мысли работе “Европа и человечество”. — Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиниться ему, приняв его веру, язык и культуру, и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой» [1, с. 57]. «Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями» [1, с. 56]. Казалось бы, русский мыслитель просто фиксирует полярные мировоззренческие позиции, которые вполне способны сосуществовать в пределах одной культурной системы, оттеняя друг друга, производя напряжением внутреннего противоборства множество промежуточных точек зрения.

Однако на поверку оказывается, что речь идет о том, что можно было бы назвать «европоцентрическим парадоксом», так как под «цивилизацией» как одни, так и другие понимают ту культуру, «которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы». Цивилизованными народами как шовинисты, так и космополиты считают в первую очередь «романцев и германцев», а затем и прочие народы, которые приняли европейскую культуру. Трубецкой справедливо подмечает относительность этнографических, антропологических и лингвистических отличий каждого из народов Европы. Для него наиболее существенна «общность истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей» [1, с. 58]. По всей видимости, именно этим обстоятельством правомерно объяснить ту относительную легкость, с которой идея национально-политического суверенитета сменила религиозные основания общеевропейского устройства.

Путаница, или, лучше сказать, смешение понятий — явление отнюдь не случайное и, по-видимому, в самом деле в значительной степени не воспринимаемое западным сознанием. Объясняется это гипнотическим воздействием слов (Н. Тру-

бецкой), ставшим возможным в силу той же самодовлеемости эгоцентрического рационализма, реконструирующего понятия по собственным меркам. Ключевые для западного сознания понятия: «человечество», «общечеловеческий», «цивилизация», «мировой прогресс» были наполнены содержанием, точная идентификация которого не проведена до сих пор. Вместе с тем они имеют решающее значение при разработке и реализации политических, экономических и прочих проектов. Практический критерий истины, принятый в качестве наиболее надежного аргумента, представляется тем менее надежным, чем больше времени отделяют моменты свершения того или иного проекта и оценки его продуктивности (практика последних десятилетий наглядно продемонстрировала неоправданность большинства ожиданий западных аналитиков).

В связи с доминированием в современной науке практического критерия вновь приходится вспомнить об одном из коренных отличий, противопоставившем западную цивилизацию традиционной культуре, — преобладании действия над знанием. Вторичность знания свидетельствует о том, что оно не выступает основанием действий, т. е. не является безусловным основанием осуществления деятельности (деятельность в данном случае понимается в узком смысле — как преобразовательная деятельность). Более того, само знание постоянно находится в состоянии обновления, в то время как деятельность по своей сути является перманентной трансформацией. Лишение знания исключительного, священного статуса предполагает принципиальное отрицание чего-либо безусловного, т. е. не подлежащего изменению ни при каких обстоятельствах.

Практический критерий по большому счету свидетельствует об устранении знания как специфического феномена культуры, так как оно фактически отождествляется с практикой, т. е. с деятельностью. Практика утверждается не только в качестве критерия истинности, но и целеполагающего критерия. Отсюда вполне закономерно вытекает то, что именно осуществляемые или предполагаемые действия в конечном счете определяют содержание тех понятий, под прикрытием которых они становятся действительностью. Следовательно, факты понятийной неопределенности в западной науке являются не результатом случайной оплошности или временным несовершенством, а принципиальным условием ее реализации. И это относится не только к гуманитарному знанию, как обычно представляют методологи науки, а ко всей современной учености.

Можно заключить, что знание и деятельность произвели специфически западную модель отношения к сущему, выразившуюся в преобразовательно-реконструирующей деятельности человеческого сообщества. Сегодня она практически повсеместно в большей или меньшей мере задает параметры существования мира. Политико-правовая организация как доминирующая стратегия, направленная на создание национально-государственных образований, идейно получает подпитку через пропаганду человечности и общечеловеческих ценностей, свободу и самоопределение. В связи с этим Николай Трубецкой показал, что «общечеловеческая цивилизация» — это западная цивилизация, человек — это представитель западной цивилизации. Следовательно, политико-правовой режим, настойчиво «предлагаемый» незападным народам и стимулирующий их национально-государственное строительство, на самом деле есть не что иное, как внедрение западных идеалов в иные цивилизационные пространства. «Передавая иноплеменным народам те

произведения своей материальной культуры, которые больше всего можно назвать универсальными (предметы военного снаряжения и механические приспособления для передвижения) — романо-германцы вместе с ними подсовывают и свои “универсальные” идеи и подносят их именно в такой форме, с тщательным замазыванием этнографической сущности этих идей», — писал Трубецкой [1, с. 64].

Итак, в небольшом философском эссе «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой поставил вопрос, актуальность которого стала гораздо более очевидной именно сегодня, в эпоху глобализации: «Возможно ли полное приобщение какого-нибудь народа к культуре, созданной другим народом?» Предваряя ответ на него, мыслитель уточнял, что под полным приобщением следует разуметь «такое усвоение культуры чужого народа, после которого эта культура для заимствующего народа становится как бы своею и продолжает развиваться в этом народе совершенно параллельно с ее развитием у того народа, от которого она позаимствована, так что оба — создатель культуры и заимствователь — сливаются в одно культурное целое».

Опираясь на материалы, проработанные авторитетнейшим французским социологом Габриэлем Тардом, Трубецкой рассуждает: «Жизнь и развитие всякой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей (открытий)» [1, с. 83]. «Раз возникнув, открытие распространяется среди других людей... Открытие является всегда навеянным предшествующими открытиями или, лучше сказать, уже существующими культурными ценностями. Это делает совершенно необходимой теснейшую связь новых открытий с уже существующим общим запасом культурных ценностей» [1, с. 84].

Сравнивая цивилизационный статус культуры оригинальной и культуры заимствующей, Трубецкой заключает: общая сумма возможных в данный момент изобретений зависит от общей суммы культурных ценностей, имеющих налицо у данного народа. А так как в отношении запаса культурных ценностей между сравниваемыми народами «никогда не будет полного тождества, то ясно, что и сумма возможных открытий у обоих народов никогда не будет одинакова: иначе говоря, направление развития культуры у народа, создавшего ее, и у народа, позаимствовавшего ее, будет различно». То есть, «полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, — дело невозможное» [1, с. 87].

Но и это еще не все. Народ, заимствующий культуру, всегда будет находиться в роли догоняющего, а потому — презираемого, во-первых, «народом-гегемоном», а во-вторых, своей собственной элитой, которая обычно выступает агентом цивилизации. Судьба такого народа плачевна. При низком творческом потенциале он очень скоро будет либо ассимилирован, как пруссаки, либо ему будет отведена служебно-вассальная роль, как некоторым народам современной Восточной Европы.

Чрезвычайно замечателен тот факт, что П. Н. Савицкий, ответивший на публикацию Н. С. Трубецкого статьей «Европа и Евразия», далеко не во всем был с ним солидарен. Во всяком случае он не приемлет радикально-тотального отвержения достижений западной цивилизации. Одним из лейтмотивов статьи Савицкого выступает призыв к творческому освоению тех благ, которые нам доступны в силу соприкосновения с культурой, достигшей в каких-то областях более высокого уровня развития. Ибо «наряду с положительной целью идеологически-национального “самоутверждения” неромано-германских народов, сохраняет в жизни последних полное свое значение, как столь же положительная цель, и необходимость исполь-

зовать на нужды этих народов технические и эмпирически-научные достижения романо-германцев» [2, с. 146]. Ниже будет показано, что данное допущение может быть принято в качестве цивилизационного императива, наряду с требованием духовного претворения природных (ландшафтно-климатических и этнических) предданностей осваиваемого пространства.

Еще более важным элементом критики Савицкого выступает тенденция творчески-конструктивной активности народов. Ведь, «чтобы бороться с “кошмаром... европеизации”, тому или иному народу... нужно иметь возможность противопоставить романо-германской культуре свою равносильную ей культуру — культуру, которая помогла бы данному народу... свести на нет преобладание культурного их влияния» [2, с. 149]. И здесь Савицкий вопрошает: а готов ли народ, хочет ли народ утверждать себя в своей самобытности? Способен ли он порождать эту самобытность? И ответ на него конгениален революционным настроениям тогдашней России: «Совершенно очевидно, что в неромано-германском мире, в отношении которого мы ставим вопрос, не является ли “Евразия” или “Россия” той силой, которая способна... устранить слепое подражание “европейскому” образцу, — совершенно очевидно, что в этом мире этнографическая Россия играет центральную и определяющую роль» [2, с. 155–156]. Причем в данном тезисе нет никакого намека на интернациональный экспорт революции. Революция — это дело сугубо многонационального народа России, который обнаружил свое единство именно в катастрофическом противостоянии буржуазно-либералистическим ценностям (ср.: [3, с. 118]).

Более того, Савицкий признает не только то, что «большевизм, в своем жизненном обличье, в корне отрицает то умонастроение, которое заставляло русских оценивать свой народ и культуру... с точки зрения романо-германца». По его убеждению «народный большевизм, большевизм как практика, существенно разошелся с тем, что для него надумали его первоначальные вожди, западники-марксисты». И самое существенное заключается в том, что «большевистский социальный эксперимент по своим идеологическим и пространственным масштабам оказался без прототипов в истории Запада и в этом смысле явился своеобразно российским» [2, с. 151]. Несколько позже он выразился еще более определенно: «Большевики-коммунисты <...> не остались нечувствительными к потребностям русской действительности. <...> это позволило русскому народу использовать их как орудие для спасения русской территории и воссоздания русской государственности» [4, с. 16–17]. По убеждению Савицкого, именно русский народ заставил большевиков-коммунистов помимо их воли и сознания осуществлять многое, для его будущего чрезвычайно важное [4, с. 17]. Таким образом, фокус размышлений русского исследователя концентрируется на народе, носителе революционной стихии. Интересно, что при кажущейся близости его точки зрения большевистской, его понимание сущности народа как единства принципиально отлично.

На первый взгляд может показаться, что Савицкий признает принципы трудового интернационала. Ведь применительно к России речь должна идти не об одних русских, но и о «туранских, монгольских, арийских, иверских, финских народах». Однако русский географ и экономист понимал сотрудничество людей не столько в экономическом, сколько в гораздо более широком, культурно-историческом смысле. Он был убежден, что дух своеобразного «братства народов», который «веет над Евразией», укоренен «в вековых соприкосновениях и культурных слияниях на-

родов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов» [5, 302]. Главнейшая особенность «братства» выражается в том, что в нем нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу» [5, с. 303].

Международная кооперация в континентальном формате регламентируется не интересами коммерческого расчета и личной выгоды, а самой структурой осваиваемого людьми жизненного пространства. Савицкий писал: «На севере Евразии имеются сотни тысяч кв. км лесов, среди которых нет ни одного гектара пашни. Как прожить обитателям этих пространств без соприкосновения с более южными областями? На юге на не меньших просторах расстилаются степи, пригодные для скотоводства, а отчасти и для земледелия, притом, однако, что на пространстве многих тысяч кв. км здесь нет ни одного дерева. Как прожить населению этих областей без хозяйственного взаимодействия с севером?». Отсюда вывод: «Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии» [5, с. 302].

Полемическая нацеленность работ Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого совершенно естественно склоняла их к предположениям, что в России все конструктивное может свершаться только с учетом фундаментальной модели социокультурной организации народа, обусловленной объективными факторами его развития. История каждого народа в любом случае развивается через согласование жизненных интересов людей с неумирающими обстоятельствами, на которые никто не в состоянии повлиять. Те, кого принято называть субъектами истории, выступают в роли соучастников исторического события либо адекватно реагируют на внешний вызов либо нет. В зависимости от этого они становятся либо частью истории, либо историческим материалом.

Неустрашимые и произвольно неизменяемые обстоятельства, естественные константы, так или иначе способствующие осуществлению истории, могут быть приняты в качестве первичных факторов человеческого жизнеустройства. Возникновение исторического измерения бытия в первую очередь предполагает искусственное, т. е. сверхъестественное, преобразование людьми этих природных констант в константы духовные. Понятно, что подобное преобразование реальности есть не одномоментное, однотипное и единообразное событие. Скорее, его следует представить как процесс не только длительный, но и такой, в котором условно может быть локализовано окончательно не исчисляемое количество явлений, зачатую кажущихся совершенно не поддающимися единой систематизации.

Явления, взятые в их единичной раздробленности и неограниченной множественности, бессмысленны. Такова данность природы в ее замкнутости. Мир же принципиально обширнее природы. Мир относится к порядку сверхъестественного существования, т. е. существования духовного уровня. Принципы существования его явлений не могут быть постигнуты в той же мере, что и существование природных вещей. У них другая мера. Генетическая или тем более механистическая последовательность здесь не в состоянии гарантировать убедительную аргументацию. Этой особенностью характеризуется вызов, имеющий искусственное, сверхъестественное происхождение. Трудности, возникающие при освоении тако-

го рода обстоятельств, предполагают и иную меру усилий по их преодолению. Но резерв ресурсов, необходимых для разрешения этой задачи, обеспечивается континентальной целостностью Евразии, представляющей собой социокультурное сотрудничество народов, объединенных, с одной стороны, исторической общностью интересов, а с другой — близостью эмоционально-волевого и нравственного укладов жизни.

Методологическая новизна евразийцев заключается в разработке такой картины мира, в которой центральное место занимают не принципы конкуренции и утилитаризма, а начала взаимодополнения, согласования (конвергенции). Охватывая проблематику почвоведения, биологии (эволюционная теория), экономической географии, лингвистики, истории, эстетики, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, а чуть позже Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, Р. Я. Якобсон пытались реконструировать полноту евразийского мира и тем самым теоретически обосновать цивилизационную перспективу России.

Литература

1. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.
2. Савицкий П. Н. Евразия и Европа // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 141–160.
3. Савицкий П. Н. Два мира // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 113–122.
4. Савицкий П. Н. Евразийство. Опыт систематического изложения // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 13–80.
5. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 295–302.

Для цитирования: Дудник С. И., Камнева Л. С., Соколов А. М. Рожденная в революции (Евразийская интуиция в философской публицистике начала 20-х годов XX века) // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 22–30. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.103.

References

1. Trubetskoi N. S. Evropa i chelovechestvo [Europe and humanity]. Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, 1995, pp. 55–104. (In Russian)
2. Savitskii P. N. Evraziia i Evropa [Eurasia and Europe]. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziia* [Eurasia Continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997, pp. 141–160. (In Russian)
3. Savitskii P. N. Dva mira [Two Worlds]. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziia* [Eurasia Continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997, pp. 113–122. (In Russian)
4. Savitskii P. N. Evraziistvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniia [Eurasianism. The experience of systematic expositions]. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziia* [Eurasia Continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997, pp. 13–80. (In Russian)
5. Savitskii P. N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziia* [Eurasia Continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997, pp. 295–302 (In Russian)

For citation: Dudnik S. I., Kamneva L. S., Sokolov A. M. Born in revolution (Eurasian intuition in philosophical journalism the early 1920s). *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 1, pp. 22–30. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.103.

Статья поступила в редакцию 3 мая 2016 г.
Статья рекомендована в печать 28 октября 2016 г.